

Олег Губарь

Очерки ранней застройки Екатерининской улицы

Будущая Екатерининская улица начала застраиваться одной из первых, причем довольно плотно. Впрочем, постройки были в основном небольшими, занимали лишь часть фасада отведенных мест, то есть разобшались значительными просветами, заборами. Самая значительная из них – так называемый дом главного начальника, двухэтажный, меж будущими улицами Ланжероновской и Дерибасовской. Позднее герцог Ришелье передал его коммерческой гимназии, впоследствии преобразованной сперва в Благородный институт, а затем в Ришельевский лицей. В процессе всех этих пертурбаций здание неоднократно достраивалось и перестраивалось. Но этот сюжет я уже излагал в прежних публикациях.

Немалый интерес представляет ранняя история застройки отдельных кварталов, в основном практически не исследованная, в частности, первых по обеим сторонам, второго по нечетной стороне, квартала, где расположен католический храм, да и ряда других. На некоторых из этих моментов хочу сосредоточить внимание, в том числе на тот, что тема взаимосвязана с дальнейшим устройством Приморского бульвара и соответствующей эволюцией его окрестностей.

Часть «военного городка»

Уже неоднократно сообщал о том, что темп плановой застройки в историческом центре изрядно тормозился наличием здесь «военного городка», занимавшего территорию нынешнего Приморского бульвара и его окрестностей, включая Екатерининскую

площадь и первые кварталы одноименной улицы. Здесь находились солдатские казармы, укрепления, офицерские флигеля, военный госпиталь, баня, пекарня, временная военная церковь, недостроенный Екатерининский храм и т. д. Некоторые из этих сооружений сохранялись до первой половины 1820-х, и были ликвидированы постепенно в процессе застройки бульвара. Несколько офицерских флигелей располагалось в пределах первого четного квартала Екатерининской со стороны площади, а потому первые частные постройки возникали на некотором удалении – это угол Ланжероновской и примыкающие по ней места.

Согласно генплану 1802-1803 годов, данного квартала еще нет как такового: разбивка сетки кварталов начинается лишь вверх от Ланжероновской. Он спланирован несколько лет спустя, и отвод мест под приватные домостроения по факту разворачивается в 1807-м. Большим подспорьем в изучении обстоятельств застройки первого квартала по четной стороне Екатерининской (LXVIII квартал, 1-я часть города, Военный форштат) может служить солидное архивное дело из фонда Одесского строительного комитета, охватывающее период с 1804-го по 1827 гг.¹ Здесь фигурируют все лица, имеющие отношение к первичным отводам, застройке и эксплуатации недвижимости: греческие купцы Буба и Москули, полковник Парадовский, шляхтичи Якубовский и Чеполовский, небезызвестные инженер-полковник Потье и его супруга, урожденная Рувье. При этом осваивались места, свободные от казарм.

Резюмируем. 22 сентября 1804 года купец 1-й гильдии Федор Москули первым запросил, а 26 сентября получил место (№ 736) под застройку в этом квартале. Это место примерно соответствует строениям и двору по улице Екатерининской, № 8/10.² Здесь проблем со строительством не возникало, поскольку территория как бы выходила за пределы «военного городка», лишь примыкала к нему. 24 июля 1823 года одесский 1-й гильдии купец Иван Буба сообщил Строительному комитету о покупке недвижимости Федора Москули – дома и земли, просил официально обмерить участок, что и сделал архитектор Боффо.³ 20 сентября 1824 года в Комитет обращается уже следующий фактический владелец, брат Ивана Бубы, нежинский грек Анастасий Буба, просит прибавить смежное пустопорожнее место для постройки магазина.

Оценка принадлежащих ему строений составляет 44 тысячи рублей⁴. Летом 1825-го ему прибавили пять саженей и 12 вершков.⁵ Из более поздних оценочных ведомостей видно, что купец Буба владеет домом и двумя магазинами по Екатерининской.⁶

Далеко не так гладко складывалась застройка других мест в том же квартале со стороны Екатерининской. Поскольку середина квартала в пределах дворов нынешних домов № 2-6 была занята офицерскими флигелями (казармами) и конюшнями при оных, то застройщикам приходилось их обтекать, со скрипом вписываясь в ситуацию. Разборка казарм несколько раз откладывалась, в итоге затянулась на много лет. По этой причине даже в 1820-х годах застройка всего квартала по Екатерининской ограничивалась лишь торцами трех относительно небольших домов в пределах нынешних № 2, 8/10, 12.⁷

В числе примечательных фигурантов тут – полковник Феликс Осипович Парадовский, в сентябре 1807-го получивший под застройку места № 737, 738, 739, включавшие часть «военного городка», и в сентябре 1810-го построивший дом со службами на бывшем плацу. Наследница полковника Роза Якубовская, урожденная Парадовская, 20 сентября 1820 года сообщает Комитету, что «на оном плацу стоящие поныне в среди двора три казармы».⁸ В 1821 году Роза продала часть унаследованной недвижимости дворянину Николаю Якубовскому, а другую – помещику Подольской губернии Гайсинского повета Чепелиовскому⁹. Ф.О. Парадовский – доблестный воин, дворянин Волынской губернии, награжден орденами Св. Георгия 4-й степени (1806), Св. Владимира 3-й степени, Св. Анны 2-й степени с алмазами, золотым оружием «За храбрость», секунд-майор Переяславского конно-егерского полка (1795), командир Мариупольского гусарского полка (1806), шеф Лифляндского драгунского полка (1810). Георгиевским кавалером стал за отличие в легендарном сражении при Шёнграбене, погиб в ходе кровопролитной битвы при Кацбахе (1813). Георгиевскими кавалерами были и его младшие братья, генерал-майор Александр Осипович (1837) и полковник Карл Осипович (1836).

Еще одна любопытная деталь. Ф.О. Парадовский задолжал Одесскому строительному комитету довольно крупную сумму. Судя по всему, он взял ссуду под домостроительство. Для погаше-

ния этого долга 31 марта 1813 года был заключен контракт о размещении в его доме офицерского лазарета, что логично по причине соседства военного госпиталя. Сам полковник в тот период находился на театре военных действий. 13 октября того же года в счет погашения долга по этому контракту списали уже 1.525 рублей.¹⁰ Поскольку к наследнице Якубовской впоследствии не было никаких претензий, это означает, что контракт еще некоторое время продолжался, и долг был списан полностью. О другой недвижимости Парадовского упоминал в монографии по истории градостроительства.¹¹

С упомянутыми неудобными «казарменными местами» № 738-739 продолжалась многолетняя чехарда. Сперва их по объективным причинам не мог застроить Парадовский, по тем же причинам ничего не сделал штаб-доктор Яворский (1816), затем генерал-лейтенант граф Ламберт (1817), и в декабре 1819-го их передали коммерции советнице Рувье. «А как на сих местах состоят старые казармы, то построение дома расположить таким образом, чтобы место отделено было от казармы и не делало помех казармам».¹² В итоге 3 августа 1822-го об окончании постройки двухэтажного планового дома (проект Франсуа Шааля) рапортовала полковница Клара Ивановна Потье, урожденная Рувье,¹³ то есть дочь знаменитого предпринимателя-овцевода Гильома Рувье (1756-1815), супруга Шарля (Карла Ивановича) Потье (1785-1855). До 9 (21) сентября 1824 года Потье был директором 1-го отделения IV округа Управления путей сообщения, а с этого момента – членом Совета управления,¹⁴ чрезвычайно значимой фигурой в Одесском строительном комитете, обладавшей немалыми полномочиями и ресурсами. Как выясняется из архивных документов, в ходе строительства дома госпожа Потье сумела добыть разрешение на снос конюшен при трех офицерских флигелях (которые на 12 (24) ноября 1824 года по-прежнему остаются на своих местах), тем самым обретя выгодный стартовый плацдарм в ущерб Якубовскому и Чепелиовскому.¹⁵ То есть выходило так, что владельцы бывшего участка Парадовского заведомо поставлены в неравные условия. В 1825-м Якубовскому, Чепелиовскому и Бубе прибавили земли, однако разбирательство продолжалось и далее, по крайней мере до конца 1827 года.¹⁶ Оценочная

стоимость домов Потье и Якубовского весной 1824-го – соответственно 30.000 и 5.000 рублей,¹⁷ то есть второй, бывший дом Парадовского, явно одноэтажный.

Клубный двор

Так на протяжении нескольких десятилетий именовали сердцевину XIV-го квартала, ограниченного улицами Екатерининской, Греческой, Ришельевской и Полицейской (Булнина). Мы говорим о месте, ныне застроенном большим торговым центром по улице Екатерининской, № 27, и смежной территории со стороны Ришельевской.

Это и был так называемый «старый клубный двор», то есть двор, примыкавший к временному Городскому театру, устроенному в хлебном магазине при доме покойного питейного откупщика Жана Дофине, который после его кончины перешел в казну за долги, а затем был продан в частные руки. Во всяком случае, временный театр всегда связывали с дворовыми местами дома графини Ржевуской на углу Греческой и Ришельевской улиц. А.А. Скальковский пишет: «До его (Городского театра. – О. Г.) открытия была временная зала в большом магазине помещицы Ржевуской, на Ришельевской улице, существовавшем еще в 1830 году. В этом доме был и род гостиницы с общественною залою для вечерних собраний, которая, до постройки дома Рено, называлась Старый клуб». На самом деле все гораздо любопытнее и немного сложнее, чем сообщает далеко не безошибочный Скальковский, приехавший в Одессу только в 1828 году, и мы сейчас с этим разберемся.

8 августа 1802 года купец из Умани Нахман-Нусим Рабинович, впоследствии упоминающийся как Рапопорт, купил у итальянского негодья Николая Бальтазаровича Юстиниани несколько строений, включая большой зал, по нечетной стороне будущей улице Екатерининской, посередине квартала, меж Греческой и Полицейской. 6 марта 1810-го уже опекуны умершего одесского 1-й гильдии купца Нусима Рапопорта формально продали (по типу маклерской сделки) сказанное место и недвижимость купцу польского происхождения Жоису Иоанновичу Куцовскому за 2.900 гол-

ландских червонцев (дукатов), из которых 2.300 составлял вексель за долг Рапопорта. То есть опекунам вернули этот вексель – с тем чтобы при фактическом заключении сделки доплатить оставшиеся 600 червонцев. Однако эти доверенные лица не были осведомлены о том, что данная недвижимость покойного состояла в залоге. Начались тяжбы, в итоге которых сделка с Куцовским так и не была заключена, а имение Рапопорта надолго осталось под опекой.

Занимательно, что при формальном составлении сделки 1810-го помимо места и недвижимости Куцовский приобретал и «один фортепьян новой черного дерева». Место покойного Рапопорта как раз и называли «старым клубным двором», то есть это и есть место временного театра, функционировавшего как раз при жизни Рапопорта. Двор этот выходил углом к месту и приметному дому графини Ржевуской, находившемуся на пересечении Греческой и Ришельевской и служившему хорошим ориентиром. Доверенным лицом вдовы Рапопорта был небезызвестный впоследствии Иосиф Гурович, причисленный в одесское купечество в 1812-м. Постфактум Рапопорта называют купцом, числящимся в гильдии города Умань, хотя, обзаведясь солидной недвижимостью в Одессе, он записался здесь в первую гильдию. Когда именно он ушел из жизни? В одной из описей Одесского городского магистрата значится утраченное архивное дело от 25 января 1810 года: вдова умершего купца Нахмана Рапопорта просит исключить ее из гильдии и записать в мещанство. Стало быть, Рапопорт ушел из жизни совсем недавно, вероятно, в том же январе 1810-го, либо в самом конце 1809-го.

Очевидно, «Большая зала» с «фортепьяно черного дерева» в доме Рапопорта, а ранее Куцовского – Старый клуб, – и была первым местом общественных увеселений в Одессе, устраиваемых еще до функционирования временного Городского театра. Сличение городских планов свидетельствует о том, что к 1802-му году бы построен небольшой фасадный дом, к которому примыкал обширный двор. Впоследствии это здание удлинялось, постепенно появлялись и различные дворовые постройки.

О том, насколько значимым социальным, этнически пестрым местом был дом Рапопорта в пушкинское время, говорит тот факт, что в нем помимо ренского погребка, который содержал одесский купец Андрей Руджиери, помещались кофейня и харчевня.

Первую содержал «одесский 3-й гильдии купец Джоржий Месини», а вторую – «экономический крестьянин Алексей Гайдуков», параллельно державший неподалеку трактир и харчевню в двух других частных домах. Опять-таки «в доме наследников Рапопортова, называемом старый клуб» открылось первое маклерское место набора «слуг и рабочих людей», каковое довольно долго содержал Янкель Моргенштерн. На рубеже 1820-1830-х «бывший дом Рапопорта» (очевидно, не все строения, а только их часть, ибо в сентябре 1833 года дом «умершего уманьского купца Нусима Рапопорта» в 1-й части отдавался внаем с публичного торга в присутственном месте Городской полиции) принадлежал уже статской советнице Анне Новицкой и был выставлен ею на продажу. В это самое время (октябрь 1830 года) здесь по-прежнему функционировала греческая кофейня.¹⁸

Временная Свято-Николаевская соборная церковь и Католический храм

Очень своеобразна и практически не изучена ранняя история кварталов, в пределах которых расположены Католическая и Греческая церкви. Из упомянутого выше генплана 1802-1803 гг. и комментариев к нему отчетливо видно: 1) нынешний квартал, ограниченный улицами Екатерининской, Жуковского, Ришельевской, Бунина, представляет собой площадь, на которой находилась временная деревянная Николаевская соборная церковь и заложен Католический храм; 2) квартал, где находится Греческая церковь – меж Екатерининской, Успенской, Ришельевской, Троицкой, – представляет собой частично застроенный обычный жилой квартал. Подоплека такова, что заложенная в 1795-м¹⁹ на будущей Соборной площади Николаевская соборная церковь по недостатку средств довольно долго не достраивалась; по этой причине примерно на углу Бунина и Ришельевской устроили временную деревянную. Это был первый значимый в городе приход, в котором, к слову, освящен дарованный Одессе в 1798-м герб. Сохранились приходские метрические книги,²⁰ сведения о причте, ктиторах²¹ и проч. Что до Греческого храма, фактически тоже

Греческая церковь

временного, то изначально он функционировал на Арнаутской слободке, и на период составления генплана закладка нового, стационарного в интересующем нас квартале еще не состоялась.

Возобновление строительства собора торжественно началось уже под эгидой герцога Ришелье. 8 апреля 1804 года по этому поводу состоялся крестный ход от старого к новому собору, а освятили его 25 мая 1808-го.²² Исследование дальнейшего развития сюжета сооружения особых проблем не создает, обстоятельства детально фиксируются, например, в журналах заседаний Одесского строительного комитета: поставка материалов, финансовое обеспечение и т. д.²³ Вопросы вызывает как раз история строительства, эксплуатации, эволюции Католического храма, и прежде всего по причине утраты двух краеугольных архивных дел: «О пособии на построение Католического костела», от 22 декабря 1804 года, на 122 листах²⁴ и «Об окончательной отделке Католического костела», от 26 апреля 1808 года, на 40 листах²⁵. Впрочем, есть возможность хотя бы отчасти восполнить этот пробел информацией, почерпнутой в журналах Строительного комитета и других источниках.

Католический молитвенный дом функционировал в Одессе с самых первых лет существования города. Это видно, к примеру, из архивного дела 1830 года «О доставлении архивариусу новороссийского генерал-губернатора переписки об отводе в 1796 году для Католической церкви земли». ²⁶ Судя по всему, первичная католическая община сформировалась годом ранее, ввиду довольно широкого представительства уроженцев соответствующих стран: уже в реестре отвода мест под застройку в августе-сентябре 1794-го мы встречаем итальянцев, австрийцев, французов, поляков, испанцев. Скажем, к немногочисленной, но влиятельной итальянской колонии нарождающейся Одессы принадлежали братья де Рибас, плац-майор Августин де Пачиоли, неаполитанский вице-консул Гаэтано Гульельмучи, архитектор Франческо Фраполли, крупный строительный подрядчик Витторио Поджио, негодант, гоф-маклер биржи Пьетро Сканцио, член магистрата подпоручик Сильвестр Дель Сассо и др. В январе 1800 года «пастор Падре Андреа-Аридоли-Пароха» доносил в магистрат о том, что к его приходу относится 29 домов, в коих 147 душ католиков, в основном купеческого звания. «При доме земли и руги (то есть государственной выплаты священнику. – **О. Г.**) не имеется, ризница заводится вновь, в богослужебных книгах недостатка нет, поучения читаются, а проповедей не сказывается». ²⁷

Ссылаясь на архивное дело, которое до нас не дошло, Смольянинов сообщает о закладке Католического храма в 1802 году. ²⁸ Закономерен вопрос: там ли он заложен, где находился первичный молитвенный дом, по крайней мере в том ли квартале? Однозначного ответа пока нет. Согласно самым ранним планам города, Католический храм предполагалось возвести на Александровском проспекте, но вскоре местоположение изменилось. Павел Сумароков (1799) пишет: «В Одессе церквей: деревянная – 1, начатых каменных – 3, старообрядческая – 1, часовня – 1, и Еврейская школа». ²⁹ Речь идет о временной Николаевской соборной церкви, недостроенных храмах: Соборном, Екатерининском, Греческом – на Арнаутской слободке. Католический не упоминается вовсе, а это может означать, что он функционирует как частная жилая или хозяйственная постройка. Сооружение костела община начала в 1802-м своими силами, а с 1804-го его курировал де Ришелье. Кураторство

Католический храм

герцога отмечает и Шарль Сикар.³⁰ Попечителем выступал подпоручик российской армии в отставке, домовладелец, землевладелец, один из первых муниципальных деятелей Сильвестр Дель Сассо, которому я не так давно посвятил очерк в одной из книг.³¹

Для поддержки де Ришелье распорядился отпускать средства из суммы, собираемой за отпуск экспортируемого через порт зерна, – по 2½ копейки с четверти (209,91 литра; от 8-ми до 10 пудов, в зависимости от влажности). Показателен активный 1805 год. Деньги и материалы отпускаются Дель Сассо и «патеру Елизеусу». 16 января в ответ на рапорт попечителя Строительный комитет выдает 336 руб. 33 коп., 27 марта – 150 руб., 4 апреля – 250 руб. на штукатурные работы, 20 апреля – 500 руб., 2 мая у крупных негоциантов Форгегера и Катля приобретено 14 бочонков белой жести (6.284 листа) – 942 руб. 60 коп., 19 мая из портовых материалов отпущено четыре пуда железа и восемь четвертей угля на изготовление креста, 22 мая – 1.000 руб., 12 июня – 1.000 руб.³² Этот перечень можно продолжить. Скажем, 20 сентября 1806 года куплено 445 листов жести по 25 копеек за лист, затем еще 500, а 8 октября Комитет отпускает средства на покупку дополнительно 600 листов.³³ Итого получается 1545 листов жести – это ли не свидетельство масштабности сооружения?

Отсутствие упоминавшегося архивного дела от 22 декабря 1804 года «О пособии на построение Католического костела», меж прочим, лишает нас информации о ходе строительства на собственные средства представителей общины в 1802-1804 годах. Но совершенно ясно, что «каменные работы» они осуществили сами: на генплане 1803 года Католическая церковь обозначена № 26, при этом поясняется, что сооружение уже доведено до карниза. Это понятно, тем более что первыми крупнейшими поставщиками камня в городе были Витторио Поджио и Феликс де Рибас. В сообщениях журналов Одесского строительного комитета 1805-го речь идет уже об отделочных и кровельных работах, устройстве креста.

Новый храм не только масштабен по тем временам, но и довольно благолепен. После завершения строительства здания начинается его внутреннее благоустройство. 18 января 1809 года заключен контракт «с иностранцем, слесарным мастером Эбервинь (Эбервейном. – О. Г.), о наблюдении ему за состоящими при одесской католической церкви часами и о починке оных». Согласно этому документу, мастер получал 100 рублей в год за исправное содержание плюс 100 рублей одновременно за починку часов до начала срока действия контракта.³⁴ В тот же период «иностранец Антон Котвальт» подрядился изготовить для Католической церкви четыре капители, за первую из которых 8 февраля Комитет выплатил ему 50 рублей. 22 марта он полностью окончил работу, 8 апреля городской архитектор Франческо Фраполли освидетельствовал ее (полагаю, Фраполли проектировал и сам храм), и Котвальту выплатили остальную причитающуюся сумму.³⁵ 10 июня 1809 года «ксендз одесской Католической церкви Максимилиан» просит Строительный комитет об отпуске извести, каковое ходатайство было удовлетворено.³⁶

Синхронно понемногу начиналась своеобразная застройка квартала, в начале столетия лишенная других сооружений, кроме временной соборной церкви Святого Николая и постепенно возводимого костела. Первым застройщиком был упоминавшийся гоф-маклер Пьетро Сканцио, очевидно, один из спонсоров строительства Католического храма. Свой дом он возвел на самом углу будущих улиц Екатерининской и Почтовой. 12 июля австрийский негодант, крупный экспортер в 1800-1820-х Марк Андрич (Mar-

Католический храм

со Andrich) доложил о приобретении на аукционном торге имения умершего гоф-маклера Сканцио – дома и участка 15×15 сажень «на площади, где католическая церковь», и 24 июля получил «открытый лист»,³⁷ то есть владельческие документы от Строительного комитета. Надо сказать, что у Андрича и Католического храма – как у владельцев недвижимости – отношения складывались чрезвычайно конфликтно. Сперва претензии предъявляла церковь – по поводу того, что Андрич пробил в своем доме окна на их участок и установил балкон.³⁸ Затем в Комитет жаловался уже домовладелец, в связи с захватом соседями принадлежащей ему земли. Конфликт затянулся на годы.³⁹ В конце 1820-х Андрич ушел из жизни, и по долгам перед Одесской конторой коммерческого банка этот дом сдавался внаем на их погашение.⁴⁰

Место, «где была временная русская церковь», то есть со стороны будущей Полицейской (Бунина) улицы, 31 декабря 1807 года запросил под приватное домостроение аптекарь Johane Schmidt.⁴¹ Однако места здесь он не получил, и предпочтение было отдано самому Католическому храму, построившему здесь

собственный доходный дом, впоследствии подвергавшийся реконструкциям. Здание изначально было довольно солидным, и уже ранее 13 августа 1814 года находилось в залоге от держателей винного откупа с оценкой в 22.500 рублей.⁴²

Летом 1812 года, накануне чумной эпидемии, подрядчики Симон Стифель и Иван Еройский под надзором графа Леона Рошешара произвели работы по мощению тротуаров, прилегающих к Католической церкви, дому Андрича и лежащей на противоположном углу Екатерининской Почтовой конторы. Кроме того, были вымощены и переходы через улицы.⁴³

К дальнейшей истории Католического храма мы еще вернемся, а сейчас глянем, как она трактуется в наши дни. «Екатерининская, 33, римско-католический кафедральный собор Успения Пресвятой Богородицы, 1805, деревянный храм, арх. Фраполли Ф.: 1805-1819, перестроен в камне, арх. Фраполли Ф; 1851-1853, заменен новой постройкой собора, арх. Моранди Ф.О. (проект), Гонсиоровский Ф.В., отец Г. Разутович (строительство), скульп. Фишер (памятник архитектуры); 2004, реконструкция...».⁴⁴ Все, что здесь написано, не просто нонсенс в свете изложенных выше архивных данных, но и лишено элементарной логики. То есть получается, что при острейшем дефиците ресурсов на довольно короткой хронологической дистанции строится один храм, демонтируется, затем другой, и тоже демонтируется, чтобы построить третий. Тем не менее подобная информация широко растиражирована в Интернете, и за неимением другой ею столь же широко пользуются.

Впрочем, искаженное толкование истории Католического храма появилось не просто так. Сумятицу, надо полагать, вносит сообщение, помещенное в солидном фолианте, изданном муниципалитетом к 100-летию Одессы. Издание чрезвычайно информативное, подготовлено коллективом авторов, в целом квалифицированных, но в отдельных случаях безупречных. Можно допустить, что два основополагающих в данном исследовании архивных дела – 1804 и 1808 годов, о которых говорилось выше, были утрачены ранее начала 1890-х, а журналы Строительного комитета, соответствующий обширный фонд, картографические материалы этими авторами физически не могли быть подробно изучены из-за дефицита времени. По этой причине и сконденси-

ровалось путающее карты резюме: «Римско-католическая церковь (по Екатерининской улице), во имя Успения Пресвятой Богородицы, сооружена сначала (в 1805 году) деревянной, но уже в 1809 году начата постройка каменной церкви. В настоящем же виде храм был совершенно окончен в 1853 году»⁴⁵.

Здесь уместно еще раз отметить, что авторитетный К.Н. Смольянинов, работавший с архивными документами в начале 1850-х в ходе написания «Истории Одессы», утраченные позже дела держал руках. Он прямо говорит о том, что капитальный Католический храм заложен в 1802 году, а в 1804-м при активном содействии де Ришелье сооружение продолжилось.⁴⁶ Далее. Вступая в должность, герцог Ришелье запросил все имеющиеся статистические данные о состоянии Одессы и получил точную информацию. Так вот там упоминаются и недостроенные каменные церкви: две русских и одна католическая.⁴⁷

О дальнейшей истории храма, его собственной и смежной недвижимости сохранился ряд дел в фонде Одесского строительного комитета.⁴⁸ Принципиальным остается вопрос мнимой разборки первичного каменного Католического храма в середине XIX столетия. У меня нет никаких сомнений: в начале 1850-х он был не демонтирован, а лишь подвергся капитальной реконструкции, достройке, расширению. Это тем более очевидно, что сооружение было довольно масштабным, приглядным (достаточно взглянуть на синхронную иконографию, к примеру, Боссоли), затратным, качественным, молодым. Характерно сообщение такого авторитетного свидетеля, как Эдвард Мортон, посетившего Одессу в 1828 году: «Католическая церковь (...) это была одна из первых церквей, построенных в Одессе. Причина этого ясна – ведь герцог Ришелье сам был католиком. Церковь во многих отношениях подобна православному собору, который, по всей вероятности, стал ее видоизмененной копией. Оба сооружения весьма красивы и величественны».⁴⁹ Римско-католическую церковь регулярно посещали даже представители русской знати: довольно, к примеру, назвать графа М.Д. Бутурлина, который молился, стоя на коленях.⁵⁰ Одновременно с ним тут побывал П.П. Свиньин: «Католическая церковь невелика, но убрана с немалым великолепием. В ней замечателен прекрасный образ Богоматери, кисти Карла Дольче, присланный в церковь сию от М.А. Нарышкиной».⁵¹

Поэтому исключаю возможность полной замены первичного храма новым: можно говорить лишь о реконструкции и достройке. Полный демонтаж не может не ставить и вопроса о судьбе захоронения графа А.Ф. Ланжерона.⁵²

Почтовая контора и соседи

Следуя от Католического храма к Греческому, мы оказываемся на следующем квартале нечетной стороны Екатерининской улицы, меж Жуковского (Почтовой) и Еврейской. Эволюция застройки тут тоже несколько необычна, поскольку связана с историей региональной почтовой службы. Здесь переплетаются интересы частных застройщиков, городской администрации в лице Строительного комитета, перекупщиков недвижимости, различных кредитных учреждений, частных заемщиков, институций откупа и проч.

Изначально Одесская почтовая контора занимало угловое место № 216 в XXIV квартале Военного форштата, на пересечении будущей улицы Почтовой и Покровского переулка – ныне пятно застройки 9-этажного дома по улице Жуковского, № 33. Сохранился чертеж фасада и план Ф. Фраполли (1812), из которого видно, что контора представляла собой два одноэтажных строения, большее из которых стояло по красной линии улицы, другое – переулка, угол меж ними застроен не был. Территория ограждена каменным забором, въездные ворота в почтовый двор находились со стороны переулка за меньшим флигелем, в левом верхнем углу двора обозначена хозяйственная постройка, очевидно, конюшня.⁵³

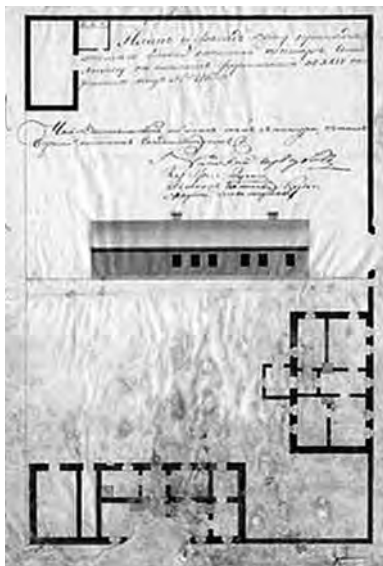
К этому времени значимость Одессы значительно возросла, сильно увеличился и объем почтовых отправок. Герцог Ришелье поставил перед Строительным комитетом задачу приобрести близ старой почтовой конторы более приличное для нее строение, достроить и переоборудовать оное, а прежнее продать с целью частичного покрытия расходов. Выбор пал на близлежащую недвижимость находившегося в стесненных обстоятельствах помещика дворянина Ксаверия Брезовского (то есть Бржезовского). В общей сложности ее оказывалось более чем достаточно, и еще

21 февраля 1812-го де Ришелье определил продать часть этой недвижимости, также с целью покрытия расходов на обустройство новой почтовой конторы.

Не позднее 1809-1810 гг. в залоге по разным коммерческим операциям находились сразу четыре принадлежавших Бржезовскому дома и места, в том числе – два по нечетной стороне Екатерининской, № 206 и 202 в XXIII квартале военного форштата, то есть угловое место по Почтовой и смежное посередине квартала: ныне Жуковского, 25, Екатерининская, 37. Оценочные свидетельства магистрата – соответственно от 21 декабря 1804-го и 27 июля 1809-го.⁵⁴

Первые отводы сказанных мест – артиллерии лекарю Иерсу и лейтенанту Машину – датируются еще августом-сентябрем 1794-го,⁵⁵ однако в положенный срок застроены не были. В 1796-м место № 202 передали артиллерии штык-юнкеру Андрею Савицкому, а место № 206 передали 17 июня 1803-го инженеру унтер-цейхвартеру Добришину. Савицкий застроился, и его место досталось Бржезовскому по купчей. Место Добришина так и осталось пустопорожним, и шляхтич построил там дом, на который получил владельческие документы в сентябре 1808-го⁵⁶.

Активные действия по продаже старого почтового двора, покупке и перестройке недвижимости Бржезовского осуществлялись накануне чумной эпидемии, в июне-августе 1812 года. Аукционный торг проходил в два этапа по три дня в первой и второй декаде июня. Сперва его почти выиграл купец Бернштейн, назначивший цену 7.177 рублей, однако упоминавшийся выше аптекарь

План дома и участка Одесской почтовой конторы. Архитектор Франческо Фраполли. 4 апреля 1812 г.

Шмидт прибавил еще 23 рубля до круглой суммы, и в итоге старая почта осталась за ним.⁵⁷ Он, к слову, еще весной 1809-го принимал участие в другом аукционе, по продаже ветхого казенного дома по будущей Полицейской улице, возле Александровского проспекта, но тогда проиграл конкурентам.⁵⁸ Расчеты со Шмидтом, что любопытно, надолго затянулись⁵⁹ в связи со сложившимся по ходу катастрофической эпидемии обстоятельствами. В то суровое время он, рискуя жизнью и не считаясь с издержками, снабжал городских врачей медикаментами. В итоге город задолжал ему 12.171 рубль 28 копеек, тогда как за старый почтовый дом сам Шмидт должен 7.200 рублей плюс оформление купчей, всего 7.499 руб. 13 коп. Таким образом, долг остается как раз за городом – 3.672 руб. 15 коп., да за отпущенные им после этого аптекарские материалы – 3.987 руб. 75 коп. Расчеты отражают статус на 24 мая 1815 года, при этом Шмидт старым почтовым домом уже какое-то время фактически владеет,⁶⁰ но, во всяком случае, не ранее ликвидации чумной эпидемии.

Что касается оформления сделки на недвижимость Бржезовского, то для ее совершения в начале июля 1812-го в Херсонской казенной палате Комитет откомандировал туда коллежского асессора Дорошенко.⁶¹ Однако, как мы увидим ниже, с купчей все оказалось не так просто.

Параллельно с аукционом по продаже старой почты Комитет составил и 6 июня заключил контракт на построение дома для почтовой конторы за 9.600 рублей с одесским купцом 3-й гильдии Василием Замятиным, что подкрепляется соответствующими залогами со стороны подрядчика.⁶² При этом он сразу получил транш, очевидно, в 2.000 рублей, поскольку при выделении следующего, от 25 июля 1812 года, сказано: еще 2.000 рублей.⁶³ Из этого можно сделать вывод о том, что строительство продвигалось довольно быстро, а после ликвидации чумной катастрофы столь же энергично продолжалось.

Другое дело, возникла проблема реализации «излишнего строения» на месте № 202. Это обуславливалось необходимостью юридического урегулирования с кредиторами Бржезовского – как приватными лицами, так и казенными структурами. Кроме того, и сам шляхтич стремился выкупить часть собственной недвижимости.

Так, Одесский коммерческий суд заявил о претензиях купца Арешникова к Бржезовскому на сумму 5.817 рублей. Ответчик заявил, что претензия необоснованная, и он сие докажет в суде. Тем не менее 31 июля 1812 года рачительный Ришелье предложил придержать 6.000 рублей из следуемых Бржезовскому, так сказать, до выяснения. Кроме того, удержать из следуемых ему денег 1.000 рублей, взятые им в Комитете заимообразно 2 марта 1805 на 1 год из суммы 80 тысяч на ссуду одесских жителей плюс проценты за 6 лет и 5 месяцев на капитал, что составляет 385 рублей, и 1% из этих процентов «на содержание огнегасительных инструментов» – это соответствует обычной процедуре выдачи ссуд.⁶⁴ 14 августа во исполнение повеления Ришелье от 21 февраля Комитет определил «излишнее строение, из числа купленного у дворянина Бржезовского в казну для почтовой конторы, показанное по плану на военном форштате в XXIII квартале под № 202, продать с публичного торгу», торги назначить: 27 августа, 6 и 7 сентября, для присутствия при продаже откомандировать члена Комитета Инглези.⁶⁵

По причине объявления карантина торги не состоялись, да и устройство новой почтовой конторы приостановилось. К этому вернулись лишь после ликвидации чумной эпидемии, в заседании Строительного комитета 4 июля 1813 года. Освежались в памяти все обстоятельства: финансовые претензии к Бржезовскому, первый этап работы подрядчика, которому уже выдана часть положенной по контракту суммы, и проч. Кроме того, принято решение описать и оценить другую недвижимость шляхтича, которая может служить залогом по взятому Бржезовским подряду на земляные работы.⁶⁶ К вопросу о торгах вернулись 19 марта 1814-го, и 29 апреля «излишняя недвижимость», купленная Комитетом у Бржезовского, досталась авторитетному одесскому купцу Семену Андросову за 8.500 рублей. Желая вернуть собственность, Бржезовский 4 мая прибавил 25 рублей, и 14 мая состоялись новые торги. Андросов набавил еще 25 рублей. Тем дело не кончилось: 11 июля Комитет распорядился увеличить длину продаваемого с домом участка на три сажени для устройства ворот. Тогда Андросов прибавил еще 500 рублей, и недвижимость осталась за ним, несмотря на челобитные прежнего владельца, которому указали, что он «и тепер еще может удержать дом, прибавив цену».

В архивном деле четко указаны соседи: с одной стороны по улице Екатерининской – новый дом почтовой конторы, с другой – дом штабс-капитана Балтакова, позади – маклера Славича.⁶⁷ Иван Егорович Балтаков фигурирует и в других архивных делах: в 1811-м – поручик Саратовского пехотного полка, в 1831-1832 гг. – отставной майор.⁶⁸ Его недвижимость располагалась в пределах пятна застройки нынешних домов № 39 и 41, к углу Еврейской. Что касается тыльного участка Славича, то он находился в пределах пятна застройки нынешних строений по улице Ришельевской, № 26.

XXIV квартал

Есть смысл коснуться истории его застройки во взаимосвязи с эпизодом перемещения отсюда почтовой конторы на новое место. Нас будет интересовать недвижимость по нечетной стороне улицы Почтовой, меж Екатерининской и Покровским переулком. Как было сказано выше, старую почтовую контору (место № 216) перед чумной эпидемией 1812-го приобрел на аукционном торге аптекарь Шмидт, который владел ею, по крайней мере, до лета 1815-го. Сохранившееся архивное дело 1828-1831 гг. о территориальных претензиях тогдашнего владельца соседнего места № 215 григориопольского гражданина Киркора Симонова (то есть Симоновича, Семеновича) Амасьянова позволяет проследить переход из рук в руки всех мест этого квартала с самого начала его застройки.

Итак, бывшая почтовая контора меж 1815-м и 1821-м перешла к еврею Рабиновичу: в ту пору в городе проживало несколько предпринимателей с такой фамилией, причем неподалеку, поэтому воздержусь от атрибуции. Позднее место со строениями «куплено от казны», то есть явно за казенные долги оно Рабиновича, одесским первой гильдии купцом Давидом Герценштейном. Любопытно, что во времена владения этой недвижимостью Рабиновичем «во дворе были заведены еврейские харчевни».

Сказанное место № 215 – ныне застройка по улице Жуковско-го, № 31, – Амасьянов незадолго до конца августа 1828-го приобрел у титулярного советника Федора Ковалевского. Дом построен

в 1797 году. Как видно из городских планов, он фасадный. О Ковалевском и его семействе есть информация в метрических книгах Свято-Николаевской соборной церкви. Из оценочных ведомостей городской недвижимости видно, что в 1823-1824 гг. этим домом владел именно Ковалевский.

Наиболее интересна ранняя и притом масштабная застройка соседних мест № 213-214, ныне – застройка домами по улице Жуковского, № 29 и № 27, угол Екатерининской. В день десятилетия Одессы, 22 августа 1804 года, эта недвижимость по купчей крепости досталась титулярному советнику Кривчикову от флота капитана второго ранга Леонтовича, произведшего постройки в 1795-м. По журналу инженерной команды 1796 года все четыре места в этом квартале значились за артиллерийскими офицерами, однако, как видим, реально застроились другие лица. Михаил Степанович Кривчиков – фигура поистине легендарная в ранней истории Одессы. Офицер-первопоселенец (1794), один из первых застройщиков (вторая половина 1790-х), он с 8 мая 1800-го состоял приемщиком материалов в Комиссии по отстройке гавани в Одессе, а затем на протяжении трех десятилетий – комиссаром (прорабом) Одесского строительного комитета. Это абсолютный рекорд в подверженной постоянным ротациям юной Одессе. В пушкинское время этот протяженный доходный дом Кривчикова имел оценку 20.000 рублей и давал годовой доход 1.000 рублей. При нем имелся целый ряд служебных построек, включая дворовую баню.⁶⁹

Типологию ранней застройки близлежащих кварталов Екатерининской выборочно рассматривал в ряде монографий и отдельных публикаций.⁷⁰

Квартал Греческой церкви

В принципе ранняя история и предыстория сооружения греческой церкви Святой Троицы рассмотрена мною в монографии по истории градостроительства Одессы.⁷¹ Здесь считаю необходимым резюмировать упомянутое исследование на фоне эволюции застройки всего квартала, поскольку это вещи взаимосвязанные.

В первые годы заселения Одессы «греческое предместье» планировалось устроить на так называемой Арнаутской слободке, однако по целому ряду причин проект осуществить не удалось. Одно из неблагоприятных обстоятельств: из-за корректировки генплана предполагаемая «Арнаутская площадь» оказалась на отшибе, да и разрастающийся по соседству Вольный рынок вызывал отток застройщиков и коммерсантов, а десятилетие спустя эту рыночную площадь как бы репрезентовали Бакалейные, Мелочный и Железный ряды – формирующийся Греческий базар. Построенные для средиземноморских переселенцев помещения оказались без присмотра и превратились в руины, а заложенная в 1795 г. церковь Святой Троицы и Спиридона Тримифутского, на которую Кес-Оглу получил от казны безвозмездно 500 рублей и строительные материалы, была доведена только до окон. Новая волна застройки этого района началась уже после образования Одесского строительного комитета, в 1803 году. На синхронных планах недостроенный здесь храм обозначен и снабжен пояснительной надписью. Богослужения отправлялись поблизости, во временном помещении.

13 мая 1803 г. одесский купец Н.А. Попандопуло подал прошение на высочайшее имя от «купцов и мещан греческой нации». В нем говорилось, что поскольку таковые не обзавелись домами, «а ныне возымели намерение поблизости греческой церкви Святой Троицы, ныне строимой, выстроить по плану на пустопорожних местах, с начала города Одессы розданных, дома», то для отвода означенных мест просят дозволения. К прошению прилагается доверенность 50 лиц, составленная в апреле. Доверенность завизирована в магистрате 4 мая 1803 г. В издании, посвященном истории Свято-Троицкой церкви, возведенной на Екатерининской улице в 1803-1808 гг., этот храм ошибочно отождествляют с тем, который так и не был достроен на Арнаутской слободке.

Впрочем, тут есть некоторые неясности. Судя про всему, временный храм на Арнаутской слободке близ недостроенного функционировал до 1799 года, а затем был переведен в деревянный Свято-Троицкий, располагавшийся по Екатерининской. В 1803-м рядом заложили каменную церковь. Об этом, в частнос-

ти, говорят названия двух несохранившихся архивных дел, от 18 мая 1799 года: «По прошению Греческого общества поверенного Георгия Петараки, коим просит учинения, куда следует, о перенесении с нынешнего дома (в коем ныне богослужение отправляется) в новопостроенный дом церковных святостей». В это время община собирала добровольные пожертвования на сооружение Свято-Троицкой каменной церкви, о чем свидетельствует название другого несохранившегося архивного дела, от 6 сентября 1799 года: «Доношение, рапорт и указ по поводу проверки денежных сумм, собранных путем подаяния для построения в Одессе Греческой церкви». Смольянинов пишет о том, что недостроенный храм на Арнаутской слободке разобрали после закладки нового Свято-Троицкого.

Так или иначе, а Попандопуло от имени греческого общества просит места не вблизи будущего храма по Екатерининской улице, как это может показаться, а как раз на Арнаутской слободке. Да и не было в ближайших кварталах по Екатерининской, Троицкой, Ришельевской, Успенской и др. свободных мест, розданных ранее и уже частично застроенных. В числе прочих был размежеван и XXXIII квартал, где вскоре заложили новую Свято-Троицкую церковь, так что отдельные строения здесь уже существовали ранее. Это отлично видно из генплана 1802-1803 гг. и различных его версий.

Теперь перехожу к синхронным архивным документам, на которые ранее не ссылался. 1 июня 1803-го подпоручик Ладожского мушкетерского полка Григорий Кузменко просит место № 301 в XXXIII квартале Военного форштата. Это место на углу будущих улиц Троицкой и Ришельевской еще в 1795-м было отведено инженерной командой шкиперу Петру Сониту (Сонирсу?), однако осталось пустопорожним. 9 июня Кузменко получил просимый участок под застройку.⁷² 16 июня 1803-го смотритель провиантского магазина титулярный советник Былдин (Булдин?) просит место № 303 в том же квартале. В 1797-м это место было отведено известному архитектору Эммануилу Портарию, однако тот его не освоил (Портарий застроил место в другом квартале, по Полицейской, от угла Ришельевской). 19 июня прошение было удовлетворено.⁷³

Екатерининская в XIX ст. Справа – ограда Католического храма

Чтобы было понятно, XXXIII квартал представлял собой прямоугольник, длинные стороны которого проходили по Троицкой и Успенской. Всего было восемь мест: по четыре в два ряда, то есть по Екатерининской и Ришельевской – по два места. При этом к 1803-му году основная застройка квартала отчетливо тяготела к Успенской, места № 297-300, где обозначено три довольно значимых строения. Со стороны Троицкой два места, о которых шла речь, и на плане показаны совершенно пустынными. Промежуточный № 302 включает лишь маленький флигель по красной линии. Угловой № 304 к Екатерининской тоже практически пуст, не считая небольшого флигеля посередине квартала Екатерининской, прямым на границе № 300, выходящего также на Успенскую и застроенного довольно солидным зданием в форме уголка. Чья это собственность (№ 304 и 300), я, к сожалению, пока не знаю; очевидно, кого-то из состоятельных греческих купцов, видных представителей общины; в противном случае строи-

Екатерининская в XIX ст. Вид со стороны Еврейской на Греческую церковь

тельство нового Греческого храма на частных территориях было бы невозможно.

Изложенное соображение косвенно подтверждает следующая архивная информация. 7 августа 1805 года ктитор строящейся греческой церкви Святой Троицы известный муниципальный деятель и коммерсант Иван Дестуни докладывал Строительному комитету о покупке общиной за 350 рублей у знакомого нам поручика Кузменко смежного места «для удобнейшего пространства». Но при обмере оказалось, что восемь сажень из того места незаконно застраивает сосед, капитан (ротмистр) Дмитрий Гунари (Гулдарий, Гулодар). Комитет поручает городской полиции разобраться с этим делом, а документ на право землепользования, переданный Греческой церкви поручиком Кузменко, возвращают ктитору.⁷⁴ Место Гулдария, № 297 – половина всего квартала по Ришельевской от Успенской. В 1795-м инженерная команда отвела участок мещанину

Даниле Романовскому, но поскольку тот не застроился, место освоил ротмистр Гулдарий, который строил и перестраивал дом «на собственный капитал», и в итоге соорудил приличное плановое здание, освидетельствованное архитектором Фраполли.⁷⁵ В метрических книгах Греческой церкви зафиксировано рождение сыновей Димитрия Гулдария и его супруги Аргирии – Феофила (1805) и Иоанна (1811). Восприемниками выступали: «Александр, майор, тесть князя Кантакузина» и «Родеус Екатерина, жена протоиерея Родеуса (настоятеля греческой церкви Святой Троицы. – О. Г.)». Зафиксирована и кончина отставного ротмистра 16 августа 1828 года в возрасте 70 лет.⁷⁶

Вырисовывается общая картина ранней застройки. Начинаясь он как обычный жилой квартал. Ввиду концентрации здесь греческой недвижимости появилась возможность переноса прихода общины из периферийной Арнаутской слободки в более престижное, перспективное, да еще близкое к Старому базару, Красным рядам, главным магистралям место. Территория, принадлежащая строящемуся храму, была расширена покупкой смежных участков, что, меж прочим, позволило устроить участок для единичных погребений архипастырей.⁷⁷

«Армянский квартал»

Это условное название даю XXX кварталу во 2-й части города, примыкающему к Старому базару и лежащему меж улицами Екатерининской, Базарной, Ришельевской и Большой Арнаутской. По сравнению с предыдущим он имеет большую площадь, квадратную форму, мест здесь больше, 14, но нарезаны они гуще.

По своему местоположению близ главной торговой площади юной Одессы он и застраивался довольно интенсивно. Так, на генплане 1802-1803 гг. здесь обозначено восемь строений, в том числе – относительно больших. Примерно та же ситуация отображена на городском плане Ф. Фраполли 1807 года.⁷⁸ На плане 1814-го квартал показан густо застроенным практически по периметру, за исключением разве что Б. Арнаутской, где наблюдается пропелшина в пределах нынешних домов № 44, 50,

которая сохраняется и на плане Торичелли 1828 года. Далее плотность строений нарастает.

В монографии по истории градостроительства Одессы в большей степени рассмотрена, скажем так, этническая составляющая, и глава «Армянский квартал» (единственная из всех) опубликована без ссылок, как заготовка, заявка, проект.⁷⁹ Поэтому здесь несколько ее дополняю.

В числе первых застройщиков квартала были, конечно, «дети разных народов». Скажем, одно из мест на углу Екатерининской и Базарной, где впоследствии построена Армянская церковь, в первой декаде июня 1803-го получил одесских морских провиантских магазинов вахтер Денисов.⁸⁰ Теперь это пятно застройки домом по Екатерининской № 71. Местом, на котором в 1814-1817 гг. построил дом григориопольский гражданин Аким Асфадоров (Асвадуrow), ранее принадлежало греку Златареву, но тот сумел устроить лишь быстро обветшавшую землянку.⁸¹ Ныне это половина участка застройки по улице Ришельевской, № 60, удаленная от угла Б. Арнаутской. Ранее 21 сентября одесский купеческий сын, представитель известной греческой фамилии Дмитрий Димо приобрел дом на том самом месте, каковое в 1803-м получил упоминавшийся выше Денисов.⁸²

Однако армянское присутствие и деловое доминирование в этом и отчасти в соседних кварталах быстро становится очевидным. К солидному дому Асвадуrowа в самом начале 1820-х прибавляются другие, в частности плановое здание григориопольского гражданина Томаса (Томаша), то есть Тевоса Чекалова (Черканова), располагавшееся напротив Армянского квартала, на углу Базарной, № 74, и Ришельевской, № 50.⁸³ Любопытный сюжет 1824 года, связанный с мощением главных улиц и устройством дренажа, по счастливой случайности воссоздает значимый фрагмент истории Армянского квартала. 15 декабря его обитатели григориопольские граждане Мегердичи (то есть Мкртич) Асвадуrow, Хачик Сукьянов, Аким Асвадуrow и одесский мещанин Сидор Николенко обращаются в Строительный комитет с жалобой по поводу того, что из-за сооружения шоссе по Ришельевской улице в их дворах скапливается вода. Комитет подключает к решению проблемы военного инженера Ж.В. Гаюи. В прошении

указано: все заявители имеют здесь плановые дома, они же упоминают соседа, одесского купца Федора Качулкова – возможно, тоже армянина.⁸⁴

Еще один армянский плановый дом в этом квартале ранее 1831-го находился на месте нынешнего здания по улице Ришельевской, № 56. Принадлежал он григориопольскому гражданину «Хачуку Сукиасову сыну Сукиасову» (Сукиас – «счастливое лицо») и был оценен: в нескораемых материалах – 5.000 рублей, в сгораемых – 1.500, итого 6.500.⁸⁵

Считаю своим долгом привести тут реестр архивным документам, имеющим прямое и опосредованное отношение к истории Армянского квартала и общины в целом.

28 сентября 1823 г. «О выданном открытом листе григориопольскому гражданину Томашу Черканову на 25-десятинный участок земли, состоящий в VI части, № 50».⁸⁶

6 декабря 1823 г. «Об отводе на Молдаванке места мещанину Качикову».⁸⁷

31 декабря 1823 г. «О месте, приобретенном Одесскою городскою думою, состоящем на Военном форштате в XLVII квартале под № 588, которого просит в отвод армянское сословие для построения церкви, одесский мещанин Авдей Иванов, коллежский секретарь Горянинов, и об отводе одного одесскому купцу Димитрию Коколани».⁸⁸ (Ныне это двор дома по улице Б. Арнаутской, № 77.)

9 июля 1824 г. «Об отводе места на Молдаванке гражданке Качиковой».⁸⁹

3 декабря 1825 г. «Об отводе 33 десятин земли армянскому священнику Киркору Шахию для заведения хозяйством».⁹⁰

8 января 1826 г. «О выдаче григориопольскому гражданину Акиму Асвадуру открытого листа на 25-десятинный участок земли, состоящий в VI части под № 47».⁹¹ (Это часть Жеваховой горы, обращенная к городу. О хуторах «армянина Асвадура» и «армянина Чекомова» см.: «Одесский вестник», 1833, № 16, 25 февраля.)

1828 г. «По жалобе григориопольского гражданина Киркора (Симонова, Семеновича. – **О. Г.**) Амастьянова о делаемых ему утеснениях соседями его титулярным советником Кривчиковым и купцом Герценштейном».⁹² (То есть – спор о недвижимости

с соседями, титулярным советником Михаилом Кривчиковым и одесским 1-й гильдии купцом Давидом Герценштейном. На самом деле, как выяснилось, никаких утеснений не было. Речь идет на об «Армянском квартале», а о недвижимости по улице Почтовой: нечетная сторона меж улицей Екатерининской и Покровским переулком.)

1831 г. «По рапорту архитектора Козлова о утверждении плана для построения дома одесским 3-й гильдии купцом Димитрием (Кирилловичем. – О. Г.) Коколани на месте, владеемым им по купчей крепости, состоящем в 2 части города, в XXI квартале, под № 310-м». ⁹³ (Место на углу улиц Екатерининской, № 81, и Б. Арнаутской.)

1832 г. «Об указании границ места григориопольского гражданина Хачикова». ⁹⁴

1836 г. «О месте на Молдаванке, на коем находится виноградник григориопольского гражданина Киркора Качикова, перешедшем к Тимофею Торину». ⁹⁵

16 января 1843 г. «Об отводе места в 1-й части князю Манук-Бею». ⁹⁶

1843 г. «О доме титулярной советницы Анастасии Гуренковой, бывшем Попова, проданном князю Манук-Бею». ⁹⁷

1844 г. «О фасаде на магазин князя Манук-Бея». ⁹⁸ (План этого магазина см.: ОГИКМ, инвентарный № К-168.)

1844 г. «О фасаде на магазин Устинии Аргутинской-Долгорукой». ⁹⁹

1845 г. «О фасаде стены для обнесения Армянской церкви». ¹⁰⁰

1846 г. «О фасаде на флигель купца Дмитрия Коколана». ¹⁰¹

13 июня 1846 г. «Об отводе места в 3-й части на Пересыпи григориопольской гражданке Розе Бибрилюковой». ¹⁰²

21 августа 1850 г. «Об отводе места в 1-й части ротмистру Сергею Аргутинскому». ¹⁰³

1851 г. – «Утверждение фасада на пристройки к дому григориопольского мещанина Илии Крымни». ¹⁰⁴

22 сентября 1853 г. «По прошению григориопольского гражданина Ильи Кремни об освидетельствовании места на Пересыпи». ¹⁰⁵ (Ясно, что фигурант двух последних дел – одно и то же лицо.)

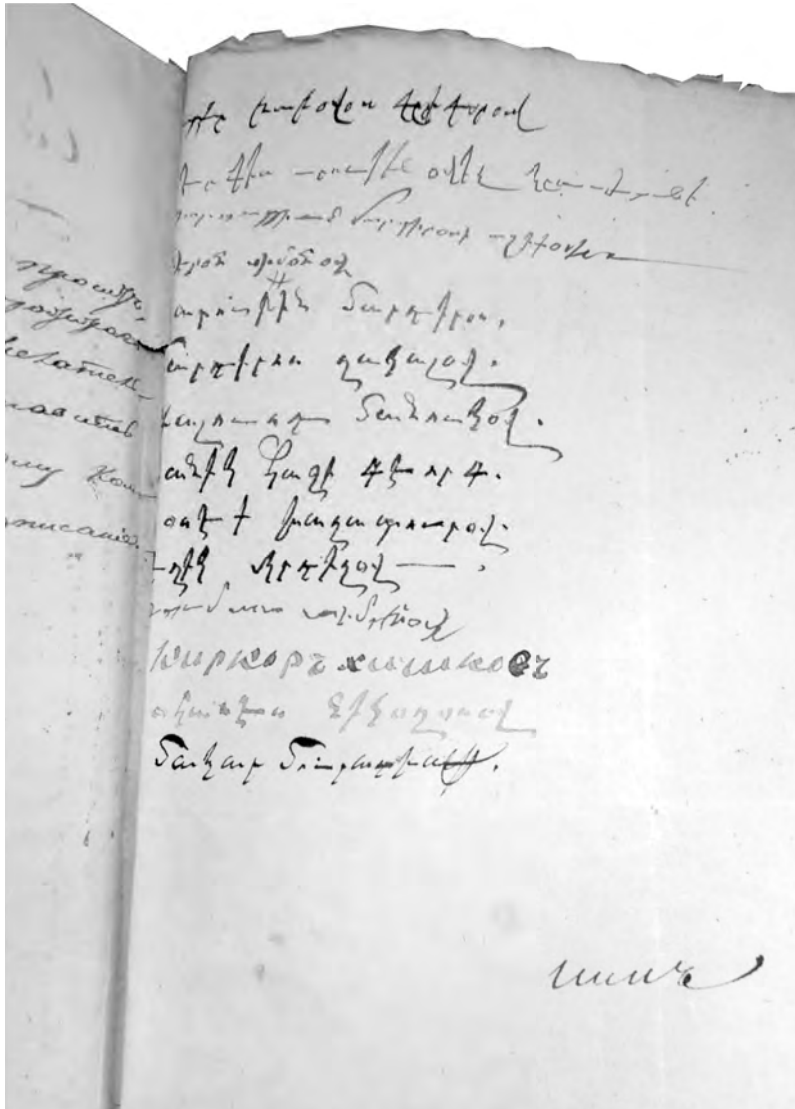
3 февраля 1855 г. «По прошению григориопольского гражданина Киркора Хачикова об отводе ему под мельницы места».106

* * *

Дело от 31 декабря 1823 г. «О месте, приобретенном Одесскою городскою думою, состоящем на Военном форштате в XLVII квартале под № 588, которого просит в отвод армянское сословие для построения церкви, одесский мещанин Авдей Иванов, коллежский секретарь Горянинов, и об отводе оною одесскому купцу Димитрию Коколани»¹⁰⁷ заслуживает того, чтобы ознакомить читателя с резюме. Почему? Потому что сюжет крутится вокруг устройства полноценного армянского храма. Тут и любопытные обстоятельства, и реестр просителей, представляющих «армянское сословие» юной Одессы.

1). 20 декабря 1823 года в Строительный комитет было написано прошение «от проживающего в Одессе общества армянского сословия», подано 22-го и рассмотрено 31 декабря. В прошении сказано, что Общество проживает в городе «несколько лет», желает построить церковь, для чего нашло пристойное место. Документ подписан 14-ю представителями общины, подписи не всегда четко прочитываются и интерпретируются: (??) Григоров; (?) Арутинович; Арутюн Мартироси (это отчество) Ашигов (?); Ерем Симонов; Арутин Мардирос; Мартирос Гакалов; Галуст (?) Мануков; Ваник (?) Каджи Геворг; Осеп Хачатуров; Эдик Мкрдичов; Оканес Никохайов; Макар Мурадис; Киркор Хачиков; нрзб.

2). В июле 1817-го Городская дума за 560 рублей приобрела это место у мещанина Тульской губернии города Белева Авдея Иванова, которому оное место отведено 17 марта того же года, для построения 2-й съезжей части. Однако таковая часть в итоге обосновалась в здании бывшей Тираспольской таможенной заставы. То есть на момент запроса армянской общины участок был муниципальной собственностью. Освидетельствовавший в феврале 1824-го место архитектор Боффо обнаружил на нем две старые землянки и разваленный магазин (амбар). Вероятно, эти постройки могли остаться от более раннего владельца места, поручика Вржеца (?), каковому оно отведено 6 октября 1805-го.

Подписи представителей первичной армянской общины под прошением от 20 декабря 1823 г. об отводе места для построения храма

3). Со своей стороны, Строительный комитет счел это место узким, непригодным для устройства благолепного храма. Кроме того, по генплану участок предназначен под жилую застройку. А поскольку позднее поступило прошение об отводе от коллежского секретаря Степана Дмитриевича Горянинова, то Комитет согласился передать место ему, но при условии, что тот вернет Думе потраченные тою 560 рублей.

4). Дума согласилась, однако с оговоркою: место выгоднее продать с публичного торга, будет выручено больше денег. Горяинов апеллировал к Воронцову, и тот принял правильное решение. Суть в том, что сделка Думы с Ивановым не могла считаться вполне законной, ибо продажа незастроенных территорий в городе запрещалась. Если бы Иванов исполнил существующие правила, выстроил плановый дом и получил владельческие документы, тогда дело другое.

5). Горяинов вернул Думе 560 рублей, получил просимое место, но из-за «служебных дел» застроиться не сумел. В итоге место досталось греческому купцу Димитрию Коколани, который в свою очередь вернул Горяинову злосчастные 560 рублей. История затянулась, и лишь 30 июля 1830 года архитектор Риглер составил для Коколани план и фасад для построения одноэтажного дома в 12 окон. Строительство было окончено 24 июля 1831 года, а 12 августа архитектор Козлов доложил Комитету об освидетельствовании.

6). Все это как будто больше не имеет отношения к прежнему прошению армянской общины. Однако план внутренних помещений дома Коколани вызывает вопросы. Если правая фасадная часть здания разделена на части, то симметричная левая, весьма обширная, представляет собой некое специальное отдельное помещение. Не исключено, конечно, что это был магазин. Но нельзя исключать и того, что помещение арендовалось армянским обществом под временный храм. Такое предположение косвенно подкрепляется тем обстоятельством, что буквально в то же самое время Коколани приобрел для себя жилой дом неподалеку, на углу улиц Екатерининской (№ 85) и Малой Арнаутской (№ 60) – ныне тут 3-этажное здание.¹⁰⁸

Напоминаю: в рассматриваемом деле речь идет об адресе по Большой Арнаутской, 77, находящемся в нескольких десятках метров от «Армянского квартала».

Примечания

- ¹ Государственный архив Одесской области (ГАОО), ф. 59, оп. 1, д. 11. – 71 л.
- ² Там же, л. 1.
- ³ Там же, л. 23, 24, 25.
- ⁴ Там же, л. 28-29.
- ⁵ Там же, л. 41-42.
- ⁶ Список домам и прочим строениям в 1-й части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 5.
- ⁷ Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 228, 229.
- ⁸ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 11, л. 2, 3, 7.
- ⁹ Там же, л. 10, 26.
- ¹⁰ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 266, л. 251-252.
- ¹¹ Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 248, 284, 298.
- ¹² ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 11, л. 13.
- ¹³ Там же, л. 11, 12.
- ¹⁴ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 286, л. 535-536.
- ¹⁵ Там же, ф. 59, оп. 1, д. 11, л. 30-31.
- ¹⁶ Там же, л. 41-42, 45, 70 и др.
- ¹⁷ Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 215 – № 118 и 119.
- ¹⁸ Олег Губарь. Очерки ранней истории евреев Одессы. – Одесса, 2013, с. 130.
- ¹⁹ А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885, с. 76.
- ²⁰ ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 71, 76, 80 и др.
- ²¹ Там же, ф. 17, оп. 3, д. 28, 151, 152.
- ²² Смольянинов К.Н. История Одессы. – Одесса, 1853, с. 140-141, 154.
- ²³ ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 257, л. 220 об., 268 об.; Там же, д. 258, л. 99, 252 и др.; Там же, ф. 59, оп. 2, д. 20 и др.
- ²⁴ Там же, ф. 59, оп. 1, д. 9 (утрачено).
- ²⁵ Там же, д. 30 (утрачено).

- ²⁶ Там же, оп. 2, д. 212.
- ²⁷ А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885, с. 84-85.
- ²⁸ Смольянинов К.Н. История Одессы. – Одесса, 1853, с. 143.
- ²⁹ Павел Сумароков. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. – Москва, 1800, с. 216.
- ³⁰ Письма об Одессе. – СПб., 1818, с. 28.
- ³¹ Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 150-157.
- ³² ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 257, л. 29 об., 30, 112, 134 об., 147 об., 178, 218 об., 224 об., 282 об.
- ³³ Там же, д. 258, л. 57, 94 об.
- ³⁴ Там же, д. 259, л. 25.
- ³⁵ Там же, л. 61, 209, 224.
- ³⁶ Там же, л. 380.
- ³⁷ Там же, ф. 59, оп. 1, д. 17, л. 11-12.
- ³⁸ Там же, д. 75, л. 41-45.
- ³⁹ Там же, д. 127, л. 128.
- ⁴⁰ Одесский вестник. – 1830, 26 апреля, № 34.
- ⁴¹ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 27, л. 1.
- ⁴² Там же, д. 80, л. 44.
- ⁴³ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 121, 201, 224, 310, 360.
- ⁴⁴ Валентин Пилявский. Здания, сооружения, памятники Одессы и их зодчие. Справочник. – Одесса: «Optimum», 2010, с. 44-45.
- ⁴⁵ Одесса: 1794-1894. – Одесса, 1895, с. 394.
- ⁴⁶ К. Смольянинов. История Одессы. – Одесса, 1853, с. 141, 143.
- ⁴⁷ Аполлон Скальковский. Первое 30-летие истории города Одессы. – Одесса: «Optimum», 2007, с. 91.
- ⁴⁸ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 2877; Там же, оп. 2, д. 386, 674, 1419; Там же, оп. 3, д. 211.
- ⁴⁹ Эдвард Мортон. Одесса, какая она есть. Записки путешественника. – Одесса: «Optimum», 2012, с. 96.
- ⁵⁰ Записки графа М.Д. Бутурлина, 1824-1827. – Русский архив, 1897, № 5, с. 18-19.
- ⁵¹ П.П. Свинын. Взгляд на Одессу. – Отечественные записки, 1830, январь, с. 28.
- ⁵² К. Смольянинов. История Одессы. – Одесса, 1853, с. 188. Примечание.
- ⁵³ ГАОО, ф. 895, оп. 1, д. 266.
- ⁵⁴ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 262, л. 210.
- ⁵⁵ Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 592.

- 56 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 27, л. 195.
- 57 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 52, 263.
- 58 Там же, д. 259, л. 280, 287.
- 59 Там же, д. 265, л. 91; Там же, д. 267, л. 496.
- 60 Там же, д. 268, л. 442-444.
- 61 Там же, д. 264, л. 134.
- 62 Там же, л. 28.
- 63 Там же, л. 234.
- 64 Там же, д. 264, л. 260-262.
- 65 Там же, л. 298, 313.
- 66 Там же, д. 266, л. 15-19.
- 67 Там же, д. 267, л. 150-152.
- 68 Там же, д. 265, л. 388; Там же, ф. 4, оп. 8, д. 84, л. 175-176.
- 69 Там же, ф. 59, оп. 2, д. 159. – 22 л.
- 70 Олег Губарь. Очерки ранней истории евреев Одессы. – Одесса, 2013; Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015; Олег Губарь. Дерибасовская, № 17 + Екатерининская, № 16: недвижимост Калафати (Санца). // Дерибасовская – Ришельевская. Кн. 63. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2015, с. 70-90. И др.
- 71 Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 90-92.
- 72 ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 214, л. 69, 70-71.
- 73 Там же, л. 97-99.
- 74 Там же, ф. 59, оп. 2, д. 13, л. 238-240.
- 75 Там же, оп. 1, д. 96, л. 169-172.
- 76 Греки Одессы. Труды Государственного архива Одесской области. Т. XXXVIII. – Одесса, 2014, с. 130-131.
- 77 Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 194.
- 78 Одесский государственный историко-краеведческий музей (ОГИКМ), инвентарный № К-602.
- 79 Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 451-458.
- 80 ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 214, л. 87-89.
- 81 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 80, л. 412-414; Там же, д. 114, л. 82-84; Там же, ф. 2, оп. 5, д. 267, л. 39; Там же, д. 273, л. 136.
- 82 Там же, д. 278, л. 230.
- 83 Там же, оп. 5, д. 8, л. 7 об.
- 84 Там же, д. 287, л. 577-579.

- ⁸⁵ Одесский вестник. – 1831, № 34, 29 апреля.
- ⁸⁶ ГАОО, ф. 59, оп. 3, д. 58. – 4 л.
- ⁸⁷ Там же, оп. 1, д. 299. – 3 л.
- ⁸⁸ Там же, д. 304. – 54 л.
- ⁸⁹ Там же, д. 401. – 6 л.
- ⁹⁰ Там же, оп. 3, д. 92. – 2 л.
- ⁹¹ Там же, д. 93. – 9 л.
- ⁹² Там же, оп. 2, д. 159. – 22 л.
- ⁹³ Там же, д. 306. – 3 л.
- ⁹⁴ Там же, д. 377. – 4 л. (утрачено).
- ⁹⁵ Там же, д. 496. – 11 л.
- ⁹⁶ Там же, оп. 1, д. 2706. – 21 л.
- ⁹⁷ Там же, оп. 2, д. 627.. – 5 л.
- ⁹⁸ Там же, д. 713. – 3 л.
- ⁹⁹ Там же, д. 723. – 4 л.
- ¹⁰⁰ Там же, д. 815. – 4 л.
- ¹⁰¹ Там же, д. 891. – 3 л.
- ¹⁰² Там же, оп. 1, д. 2930. – 14 л.
- ¹⁰³ Там же, д. 3264. – 9 л.
- ¹⁰⁴ Там же, оп. 2, д. 1614. – 3 л.
- ¹⁰⁵ Там же, оп. 4, д. 192. – 6 л.
- ¹⁰⁶ Там же, д. 323. – 4 л. См. также: ф. 2, оп. 5, д. 503, л. 11. 19 ноября 1866 г. Касательно достройки колокольни к существующей Армянской церкви. Об армяно-григорианском участке на Старом городском кладбище см.: Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 239-242.
- ¹⁰⁷ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 304. – 54 л.
- ¹⁰⁸ Там же, ф. 59, оп. 2, д. 306. – 3 л.

